

Николай Бунин

Вихряй

Николай Бунин

Вихряй

«Public Domain»

1900

Бунин Н. Г.

Вихряй / Н. Г. Бунин — «Public Domain», 1900

«Солнечные ясные дни, стоявшие в половине августа, надолго предвещали неизменно хорошую погоду; мне было скучно, и как охотника меня тянуло в поле. Невольная, но тяжелая тоска на оставленной стороне и милым дорогим мне людям уже крепко начинала въедаться в мою одинокую здесь жизнь... и я ради развлечения с особенным усердием принялся за службу. Разъезжая неразлучно с ружьем и собакой и увлекаемый новизною местности и любимой страстью к охоте, я лесами и болотами пробирался по границам соседних губерний: Вологодской и Олонецкой...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Вихряй

Из рассказов охотника-переселенца

I

Солнечные ясные дни, стоявшие в половине августа, надолго предвещали неизменно хорошую погоду; мне было скучно, и как охотника меня тянуло в поле.

Невольная, но тяжелая тоска на оставленной стороне и милым дорогим мне людям уже крепко начинала въедаться в мою одинокую здесь жизнь... и я ради развлечения с особенным усердием принялся за службу. Разъезжая неразлучно с ружьем и собакой и увлекаемый новизною местности и любимой страстью к охоте, я лесами и болотами пробирался по границам соседних губерний: Вологодской и Олонецкой.

Много погубил я птичьих душ в этой экспедиции и, вволю натешив собственную душу ощущениями охоты, на десятый только день повернул домой тоже глухими проселками, продолжая по дороге захватывать с собакой притащенные местечки лесной дичи.

Дни держались жаркие, сухие, зори теплые, росистые, а вечерами почти постоянно поигрывала зарница.

В один особенно жаркий день бродившие с полудня в форме комковой ваты белые облачка под вечер сплотились темными слоями, задвинули полнеба, и из-за них густая синелиловая туча полезла кверху черною стеной. Начала поблескивать молния, и вдали, точно под землею, отдавались зловещие перекаты глухого гула... Узкая дорога болотистой почвой пролегалла по огромному лесу сплошных елей и сосен словно по густой аллее старинного господского сада, и хотя до ближайших станций или селения мне осталось верст 15, но, зная по опыту, что таскающие «по делам службы» нашего брата мелкого чиновника вечно тощие обывательские животы ни перед какою катастрофой в мире не прибавят резвости, я равнодушно относился к своему положению в ожидании дождевой ванны на открытой телеге.

Стемнело ранее обыкновенного и как-то очень быстро. Стемнело и притихло ненадолго... Вскоре налетел легкий ветерок и колыхнул сначала только верхи самых высоких деревьев, потом другой, словно ему в подмогу, прошумел пониже, усилился, порывисто и гулко пронесся в вышине и забушевал по всему лесу. По листве и сухой дороге, как просыпавшиеся орехи, защелкали крупные капли дождевой воды, и под ними, словно дымом, закурилась лежавшая на всем толстым слое пыли. Блеск молнии становился сильнее и чаще, трескучие удары грома делались ощутительнее и вследствие лесистой местности почти не умолкали в своих перекатах... Страшная северная гроза разразилась с таким обильным ливнем, каких я не запомню во всю мою жизнь на нашем юге... Это просто перепрокинулась какая-то кадушка величиною во весь видимый горизонт и сплошною массой воды непрерывно поливала сверху так, что становилось чувствительно тяжело от одного ее давления. А электричество, так кажется, со всего света собралось собственно на этот пункт для своего разряжения: постоянно освещаемый лес стонал и точно как бы вздрагивал под этим шумом, какая-то трескотня редела в нем неумолкаемою канонадой, и только особенно сильные удары по временам резко отдавались среди общего гула, как заряды бомбандических орудий среди непрерывной штуцерной стрельбы... Иногда вслед за этими отдельными ударами ярко вспыхивало пламя загоравшихся деревьев, но следом же и погасало заливаемое сверху обильным дождем. Кругом явственно слышался душливый запах горючей серы...

Продолжать какое бы то ни было движение под этой стихийной сумятицей, конечно, и думать было нечего. Да к тому же догадливый возница еще с первых приемов этого шквала

предложил мне выпрячь лошадей и опрокинуть телегу для возможной защиты от дождя – все, дескать, «покрышка будет, а через нее и на нас не каждая капля канет»...

Вследствие этого мудрого предложения в скором времени наша телега, перевернутая кверху колесами и подпертая с одного бока колом, представляла вид настороженной западни для ловли жаворонков, но вместе с тем и образовала действительно некоторое убежище от воды, так что, завернувшись в кожаную чуйку, я довольно комфортабельно уместился со своею собакой под ее навесом, заботливо спасая от воды только сумку с порохом да ящик с ружьем.

Ямщик попался мне болтливый, добродушный малый средних лет. Сначала все повествовал он об охотничьих подвигах соседских зырян, как они чуть ли не голыми руками за куцые хвосты медведей ловят, потом совсем неожиданно завел было речь о нечистой силе, да скоро смекнувши, что это не подходит к настоящим обстоятельствам, оробел сам от своих рассказов, как-то сразу оборвался и затих, тяжело вздыхая и бормоча вслух какую-то молитву. А дождь, не переставая, накрывал нас водяною массой... Сильнее прежнего треща и раскатываясь, стучал сердитый гром, электрический огонь светил не прерываясь, и какой-то особенный шум стоял над лесом, так что по временам в самом деле представлялось, будто вся местность сама ходила кругом.

Отбивая зубами сыпучую дробь, моя собака тряслась от страха и постоянно жалась под меня, да и вместе нам приходилось жутко, смутно.

Вода сделала свое дело. Побывши часа два под этой блокадой, на нас не осталось буквально сухой нитки, и тонкие стройки холодной влаги, просачиваясь местами через одежду, неприятно лазали, в особенности за спиной, от чего неудержимая дрожь пробирала все тело.

Наконец туча заметно сдвинулась, гроза стала затихать, и необыкновенный ливень, принявши форму обыкновенного дождя, потянулся ровными толстыми струями. Кругом было темно, как на самом дне глубокой закрытой ямы. Так темно, что привязанные к телеге лошади совершенно сливались с окружающим мраком, и только шелест изредка побрякивавшей на них сбруи да тоскливые вздохи самих животных иногда напоминали об ихнем соседстве. С полчаса еще прождали мы отхода тучи, и не из того, чтобы спешить доехать, а только ради какого-нибудь движения, чтобы согреть свои коченеющие члены, мы с ямщиком принялись запрягать лошадей. Вода стояла до колен, и мы, как цапли, бродили по ней, распутывая ощупью проволочные снасти. Кое-как уладившись с этим делом, попробовали было тронуться вперед, но на пути по сплошному разливу воды, покрывавшему дорогу, стали попадаться сваленные деревья – обыкновенный след только что прошедшей бури, – и мы поневоле остановились вновь в ожидании рассвета.

Ветер упал совсем, дождь начал тоже переставать, и в лесу стала устанавливаться тишина, только по земле бурливо журчала кругом отливающаяся вода, да тяжело шлепали дождевые капли, постоянно катившиеся с дерев на мокрую землю, вдали гудела отошедшая туча... Мы молча стояли на дороге.

Еще немного раньше этого мне раза два слышались как будто отдаленные звуки какой-то песни, но теперь совершенно ясно начал доноситься мужской голос, певший где-то в глубине леса, к удивлению моему, известный романс: «Что ты, травушка, рано в поле пожелтела...» И как же пел? В жизнь свою я не слыхивал даже на дорогах подмостках столичных сцен ничего более симпатического, как этот сильный и чистым серебром звенящий тенор: то безысходною тоской, то бесшабашной удалью заливался, этот голос, и чудно музыкальные звуки, таинственно стройно нарушая окружающую тишину ночного безмолвия, как-то особенно глубоко проникали в душу, словно своевольно перебирали в ней заветные струны давно пережитого горя и еще неизведанной, но сладкой грусти... Мы оба с ямщиком заслушались песни и, как заколдованные, не шевелясь, сидели до тех пор, пока продрогший и не сочувствующий

щий нашему вниманию коренник перекокнул дугою и звякнул колоколом – голос немедленно затих...

– Что это такое? – спросил я.

– Эгто-та, – протянул мужик и с видимым волнением в голосе не сразу ответил мне, – это Вихряй потешается.

– Что такое Вихряй? – переспросил я, ожидая по суеверному обычаю здешней стороны услышать какое-нибудь легендарное повествование об этом певце.

Но сверх ожидания ямщик мне объяснил, что Ванька Вихряй – просто молодой парень, с нынешней весны появившийся в их местности – так, «благый человек»... Говорят, откель-то снизу с коноводами ¹ пришел да вот и приютился здесь. Птицу всякую страфляет, а иной раз и зверя попадет... Живет себе без всякой работы – так на слободе болтается, а человек ничего, смирный, обиды от его никому нет, ну, значит, и его не трогают. А к тому же он стариков наших в кабаке песнями тешит. Становому дичину всякую таскает. Вот и теперь, должно, за рябками ухаживал, припоздал...

– А уж ловок он насчет этой всякой птицы, – продолжал мой рассказчик, – так и кто его знает, как он может все по-ихнему потрафить? У его и ружья-то нет, а так руками берет, и шабаш!! Теперича, к примеру, захочет тетерька – зараз и ен по ее... али рябок там засвистит – в аккурате передразнит, сам к нему так и придет... Оно известно, должно, «не без чего» такие дела приставляет... – многозначительно закончил он.

В это время, как будто в подтверждение рассказа моего собеседника, невдалеке от нас отчетливо и как нельзя более натурально затоковал, косач-тетерев... До того натурально горячо забормотал он и расчуфыкался, что мне даже и в голову не пришло о невозможности подобного явления в эту пору, а только обдало охотничьей лихорадкой от знакомых милых звуков... Но ямщик мой хотя, по-видимому, был не охотник, но, как местный житель, скоро сообразил, что эта птица и таким голосом кричит во всем году одно только время и то лишь раннею весною, а на исходе лета этого не бывает, почему тут же и пояснил мне:

– Ишь балуется, это он, значит, нас слышал...

– Да почему же он мог нас слышать?

– Вихряй-ат?! Хм! по духу... это уж такой дошлый человек, може, и подойдет.

¹ Коноводами здесь называют погонщиков лошадей, на которых тянутся грузовые суда вверх по течению реки Шексны. (Примеч. автора.)

II

Крепко занял меня рассказ ямщика об этом «дошлом» человеке, да и голос его, давно затихший в воздухе, казалось, все еще звенел и переливался в моем свежем воспоминании. Мне очень захотелось непременно взглянуть в лицо самого певца и поближе рассмотреть его всего. Опасаясь, чтобы он не прошел, минуя нас лесом, я попробовал обратиться к ямщику За советом.

– Давай покличем?

– Хуже, не пойдет... Парень – натурный... – отвечал ямщик. После такой аттестации мне оставалось в этом деле рассчитывать только на милость самой судьбы, и я терпеливо замолчал.

Минут пять прошло в томительном положении, вдруг почти над нашими головами, как будто налетевшая птица, метнувшись в сторону, всплеснула крыльями, и вместе с этим тоскливо-скверный крик ночного филина, уныло огласив окрестность, диким хохотом раскололся по лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.